В.П.Зинченко

УЧАСТНОСТЬ В БЫТИИ

А все таки жаль,
Что нельзя с Александром Сергеичем
Поужинать в Яр
Заскочить хоть на четверть часа.
Булат Окуджава

В этом году исполнилось бы 95 лет со дня рождения А.Р. Лурии и уже 20 лет как его нет с нами. Когда мы думали (и нам говорили), не надо ли подождать с Конференцией, посвященной его памяти, до 100-летия, то мы решили не рисковать. Пока еще есть много людей, помнящих живой голос А.Р. и способных найти в себе силы для организации этого замечательного, но нелегкого дела. Спасибо, что Российский Фонд Фундаментальных исследований, Российский Фонд Гуманитарных исследований, Институт "Открытое Общество", а также ряд других организаций поверили нам и поддержали нашу Конференцию. Наша аргументация состояла в том, что если сил не хватит, то может нарушиться связь времен и связь имен, почти неправдоподобным средоточием которых был А.Р. Он связывал нас с Г.И. Челпановым, И.П. Павловым, Г.Г. Шпетом, Р.О. Якобсоном, Л.С. Выготским, С.М. Эйзенштейном, В.М. Мясищевым, С.Г. Левитом, Л.А. Орбели, Б.Г. Ананьевым, Э.А. Асратяном, В.М. Черниговским, П.К. Анохиным, Н.И. Грашенковым, Н.Н. Бурденко, Н.В. Коноваловым, М.Ю. Рапопортом, А.А. Маркосяном, И.А. Соколянским, Д.Н. Узнадзе, И.С. Бериташвили. Все они отдавали дань его яркому человеческому и научному таланту. Дорогого стоит, например, признание исключительного по уму и таланту Б.М.Теплова, что А.Р. талантливее его.

В молодые, еще казанские годы А.Р. переписывался с В.М. Бехтеревым и З. Фрейдом. О его обширных контактах с западными учеными многое могли бы рассказать Д. Брунер, К. Прибрам, М. Коул. Замечательно, что А.Р. был "лицо неофициальное", но абсолютно авторитетное, пользовавшееся неограниченным доверием. При том, что А.Р. принадлежит немало собственных открытий, он не уставал делать открытия в работах западных и отечественных ученых и знакомил своих коллег и друзей друг с другом. Приведу лишь один пример. А.Р. убедил Н.А. Бернштейна сделать английский перевод ряда его работ и содействовал их изданию в Англии. Познакомившись с ними, Д. Брунер написал в письме А.Р., что Н.А. Бернштейн - человек на грани гениальности и сожалел, что не познакомился с ним при его жизни. Не поддается перечислению западная психологическая литература, которую А.Р. рекомендовал Издательству "Прогресс" для перевода на русский язык и советская психологическая литература, которую он рекомендовал этому и многим западным издательствам для перевода на европейские языки. Если учесть еще его собственные книги, изданные на многих языках, то, следует признать, что существовал огромный невидимый "Издательский Дом Александра Лурия".

Казалось бы мелочь, но нельзя забыть, что А.Р. многие годы был Президентом, точнее Отцом родным "Международного Землячества" иностранных студентов-психологов МГУ (не помню бюрократического названия для этой придуманной им самому себе должности, а наделе - миссии). Он не давал покоя другим преподавателям факультета и те, скрепя сердце, ездили на встречи в Общежития, а потом были благодарны ему. О признательности студентов и аспирантов и говорить нечего.

Подлинным триумфом этой деятельности А.Р. стал XVIII Международный Психологический Конгресс в Москве (1966). А.Р. был больше, чем Председатель

Программного комитета Конгресса, он был его душой и мотором. Именно с этого времени отечественная психология, надеюсь, навсегда вернулась в мировое психологическое сообщество. Впрочем, сам он его никогда не покидал. То что это был триумф именно А.Р. не осознали в то время ни участники Конгресса, ни, конечно же, он сам. Подобная деятельность была его естественным состоянием.

Столь же бескорыстным было его внимание к научной молодежи в самом широком смысле этого слова, т.е. не только к своим ученикам. А.Р. один из первых оценил талант Е.Н. Соколова, В.Д. Небылицына, М.И. Лисиной, А.И. Мещерякова, О.В. Виноградовой, В.И.Лубовского, В.В.Давыдова и многих других. Он со действовал устройству многих на работу по специальности (что тогда было очень не легко), публикации их статей и книг (что всегда трудно). Участливость (М.М. Бахтин сказал бы участность в бытии) и доброта А.Р. сочеталась с высочайшей требовательностью к ученикам, сотрудникам, коллегам. В начале 30-х годов медлительный, но не флегматичный А.В. Запорожец стал лаборантом А.Р. в Академии Комвоспитания им. Н.К. Крупской. Среди других в его функции входила зарядка и проявка фотокиноматериалов. Нетерпеливый А.Р. торопил его, стучал в дверь темной комнаты, раздражался по поводу опозданий своего лаборанта. По словам А.В. Запорожца, за это время в лаборатории уже скапливалось некоторое количество сирых и убогих пациентов и испытуемых, что вызывало еще большее раздражение молодого мэтра. После двух-трех месяцев сотрудничества А.Р. сказал своему будущему коллеге и ближайшему другу: "Саша, может быть ты когда-нибудь станешь профессором, но лаборант из тебя никогда не получится!" И уволил его.

Многие годы спустя, А.Р. категорическим тоном предложил своему бывшему лаборанту - уже профессору, академику, директору и т.д. немедленно приехать к нему. Запорожец не посмел ослушаться. А.Р. потребовал от него отчета за сегодняшний день. Несколько обескураженный А.В. послушно рассказал, что он делал в течение дня. Выслушав его, АР. в сердцах сказал: "Только в нашей стране золотыми часами забивают гвозди", и отпустил его с миром.

Один эпизод из наших с ним отношений. А.Р. как-то позвонил мне и строго сказал, чтобы я немедленно пришел к нему домой. При встрече, едва поздоровавшись, он произнес: "Если ты еще раз не выполнишь мою просьбу, я с тобой раззнакомлюсь". Смутно припоминаю, что он был не вполне справедлив, хотя я был виновен, но заслуживал снисхождения. Речь шла не больше не меньше, как о написании мною двух глав для подготавливавшегося им тома "Человек" Детской энциклопедии. Мне действительно стало страшно. Я не стал вдаваться в объяснения, но с тех пор к его просьбам относился как к приказу, выполнял их более ответственно, чем просьбы непосредственных начальников и своего учителя - А.В. Запорожца.

Нужно отдать должное самому А.Р. Его ответственность, отзывчивость, пунктуальность служила прекрасным примером - образцом для окружающих. К сожалению, не так уж многие из них следовали его примеру. Об А.Р. даже нельзя сказать, что он ничего не забывал. У него просто не было времени на забывание, потому что он ничего не откладывал на завтра, тем более в долгий ящик. Это редкий дар "поступающего мышления" (М.М. Бахтин).

Еще один пример. На заседании Ученого Совета, в котором А.Р. принимал участие и слушал мой предварительный доклад о кандидатской диссертации, его попросили выступить моим официальным оппонентом. Он согласился. Спустя несколько дней, при встрече он сказал мне: "Володя, я уже написал отзыв на твою диссертацию, когда же я, наконец, ее увижу?" Подозреваю, что он написал его сразу после Ученого Совета.

А.Р. был жаворонком и донимал сов ранними звонками. Кажется, что он имел снисхождение лишь к А.В. Запорожцу и не звонил ему раньше 10 часов утра.

Систематичность А.Р. была поразительной. За месяц до своей кончины в день

своего 75-летия он показал мне, как он подготовился к смерти. В нижних закрытых полках книжного шкафа были расставлены папки с неопубликованными работами. Шутя, он сказал, что осталась самая простая часть работы: подойти, взять папку и отнести в издательство. Как показали прошедшие 20 лет, эта часть работы, во всяком случае пока, оказалась непосильной. К сожалению, у А.Р. не оказалось такого же преданного и энергичного ученика, каким был он сам в отношении к своему учителю Л.С. Выготскому. Будем надеяться, что еще не вечер. Труды Выготского АР. начал издавать через 21 год после кончины учителя. Вместе с А.В. Запорожцем они проделали титанический труд по изданию шеститомника сочинений Выготского, и оба не дожили до его выхода в свет. Нельзя забывать о его усилиях (совместно с А.Н. Леонтьевым) по изданию двухтомника Выготского во второй половине 50-ых гг., как и о том, что именно А.Р. привлек Вяч.В. Иванова к изданию "Психологии искусства".

Феномен "ученичества" А.Р. (как и такой же у А.В. Запорожца и Д.Б. Эльконина) - это особый сюжет, который нуждается в специальном психологическом анализе. Сам А.Р., завершая Автобиографию, пишет об этом очень просто, как о само собой разумеющемся: "Есть период первых исканий, встреча с гением, под влиянием которого я находился, и есть история моих дел, которые я смог совершить в течение довольно долгой жизни" (с. 181). Ранняя эмансипация от учителя, видимо, не всегда является благом. Случай А.Р. тем более восхищает, что в своем сознании он считал себя учеником более 40 лет после кончины Л.С. Выготского (1934), почти 20 лет из которых труды его учителя были запрещены. Но зато, какой ученик! Тысячу раз был прав Стефан Тулмин, который в своем маленьком эссе "Моцарт психологии", посвященном Л.С. Выготскому, назвал его ученика - А.Р. Лурию - Бетховеном. Уверен, что встреча Л.С. Выготского и А.Р. Лурии - это не просто счастливый случай. Это чудо, судьба, которая в равной мере оказалась благосклонной как для ученика, так и для учителя. Не будем их сравнивать. Поверим завету О. Мандельштама:

Не сравнивай. Живущий несравним.

А они оба живы. Ученик надолго продлил жизнь учителя Л. С. Выготского. Как и мы сегодня продлеваем жизнь нашего учителя и коллегии -А.Р. Лурия.

Вообще-то постоянный рефрен А.Р. об ученичестве у Л.С. Выготского надо бы попробовать воспринять cum grana salis. Вспомним, что именно он уговорил К.Н. Корнилова пригласить Выготского в Психологический институт, ученым секретарем которого А.Р. состоял в то время. Но ведь в то время в институте уже (или чуть позже) работала блистательная плеяда ученых: Г.Г. Шпет, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов, Н.А. Бернштейн, Н.И. Жинкин, С.В. Кравков, П.А. Шеварев, А.Ф. Лосев, П.П. Блонский, В.М. Боровский, А.Н. Леонтьев... Оставался еще и Г.И. Челпанов. С институтом сотрудничал Р.О. Якобсон. Подобного соцветия уже ставших и будущих талантов, собравшихся в одном месте, не знал ни до, ни после ни один университет мира. При этом А.Р. - один из самых молодых (моложе был только А.Н. Леонтьев), так сказать, по должности общался со всеми. В психологии это называется "латентное научение". Иное дело, что А.Р. при такой богатой возможности выбора предпочел Л.С. Выготского... или зрелый Выготский предпочел самых молодых Лурию и Леонтьева?

Л.С. Выготский был суровый учитель. Широко известна его жесткая критика в адрес А.Р. по поводу его высказываний об отношениях психоанализа и исторического материализма. К чести ученика следует сказать, что, редактируя первый том Собрания сочинений Выготского, А.Р. это "слово" из песни не выкинул. Мне даже кажется, что он навсегда вытеснил из памяти слова "психоанализ" и "исторический материализм".

Как бы то не было, но А.Р. сам стал учителем, а Учитель А.Р. был замечательный. Скажу лишь об одном из его педагогических приемов, объектом которого довелось быть и мне. Я называю этот прием "испытание доверием". Как-то он сказал мне: "Володя, ты преуспел в изучении зрительного восприятия, прочти в

моем курсе "Общая психология" лекцию о зрительных образах". Надо ли говорить, как я (и другие, которым он делал аналогичные предложения) готовился. Ведь А.Р., доверив лекцию, сам слушал ее, а его нелицеприятность в оценках была известна. Он был проницателен, афористичен и его оценки часто походили на диагноз.

Однажды А.Р. точно также "бросил в воду" молодого Б. Величковского. Тот после длительной подготовки выпалил за 20 минут все содержание и растерянно остановился. А.Р. сказал ему: "Боря, все замечательно, а теперь начни сначала". Молодому лектору не хватило оставшегося времени для изложения того, что он приготовил. Эти опыты служили основанием для многократных предложений А.Н. Леонтьеву передать курс "Общая психология" следующему поколению. Не только курс...

Очень многие из разных поколений психологов испытали на себе благотворное влияние доверия А.Р. Мало этого. Он не только доверял молодым, но и выступал гарантом перед А.А. Смирновым, Б.М. Тепловым, А.Н. Леонтьевым, убеждал старшее поколение, что молодые справятся, конечно, не только с чтением лекций. Рекомендовал их ученым и руководителям многих учреждений, иностранным коллегам. Нужно сказать, что А.Р. редко ошибался, чувствовал, какое дело кому по плечу. Он всегда видел человека в зоне - точнее в перспективе - его ближайшего и более отдаленного развития. Не ошибался А.Р. и в отрицательных оценках. К сожалению, к нему не всегда прислушивались. -Это и мой грех, за который самому приходилось расплачиваться. И, кажется, что до конца еще не расплатился...

Несомненно, А.Р. был человеком, если угодно - гражданином, мира. Но он жил и в другом маленьком мире своих друзей и коллег, который называют научной школой Л.С. Выготского или - школой Л.С. Выготского - АН. Леонтьева - А.Р. Лурия, в которую входили Л.И. Божович, П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, Б.В. Зейгарник, П.И. Зинченко, Д. Б. Эльконин и др. Конечно, каждый из перечисленных был интересен, оригинален сам по себе, создал свою школу, но многие годы они держались вместе, были склонны подчеркивать то общее, что у них есть, чем различия, которые между ними были. Самым общим у них, конечно, была судьба советского ученого, которая несмотря на все типично советские (и военные) перипетии, тяготы, изгнания с работы, наветы, запреты и т.п. оказалась счастливой. Ведь они не были репрессированы и имели возможность работать. А по советским меркам это и было счастье. Впрочем, оценивалось оно вполне здраво. Как-то А.Р. поделился с женой Ланой Пименовной желанием отправить своего ученика Пээтера Тульвисте в Африку для проведения кросскультурных исследований. На что она заметила: ведь в Африке едят людей, а ей жаль Пээтера. А.Р., в свою очередь, ответил, что людей надят в Москве, а не в Африке.

Ожидание и страх репрессий, конечно, были, особенно в предвоенные годы. Страх погнал А.Р., А.Н. Леонтьева, А.В. Запорожца в Харьков, Л.И. Божович - в Полтаву, где их меньше знали, соответственно, была меньше вероятность ареста. Страх имел основания. В конце 20-х возобновились аресты ученых, началась борьба за "чистоту идей", стали размножаться "самозванцы мысли" (М.К. Мамардашвили), работы Выготского и Лурии подвергались критике и запрету. Замысел и "технология" переезда принадлежали А.Р., так как первым приютом в Харькове была для них Всеукраинская психоневрологическая академия, с которой у А.Р. были контакты, в частности, с известным неврологом М.С. Лебединским.

Наше послевоенное поколение психологов застало их уже в Москве, хотя они какое-то время еще именовали себя харьковской психологической школой. Мне уже приходилось делиться своими размышлениями о "разделении функций" в этом замечательном научном сообществе, которое цементировали общая судьба, дружба и нежная любовь друг к другу. Ведь они все были такие разные, что никакая субординация между ними была немыслима.

А.Н. Леонтьев был признанный всеми лидер. Причем признанный охотно и добровольно. Никому не нужны были лишние хлопоты и заботы, связанные с этой ролью. А.В. Запорожец был совестью, нравственным эталоном этого коллектива. П.Я. Гальперин, которого они ласково называли Гальпетя, был учителем, часто его называли "рэбэ" и советовались по трудным научным проблемам. Все, кроме А.Р.? Гальпетя по этому поводу говорил: "А что я могу посоветовать А.Р.? Ведь он пишет быстрее, чем я читаю". Д.Б. Эльконин имел буйный научный темперамент, он был трибун, который хриплым голосом щедро разбрасывал свои идеи.

А.Р. несомненно был гением, но каким-то добрым, домашним гением, доброжелательно и иронично улыбчивым, всецело поглощенным научными проблемами, людскими судьбами и заботами, которому некогда было подумать о своей гениальности. Он как-то очень буднично воспринимал и лишь изредка, не специально, а к слову говорил о признании его научных заслуг, будь то издание его книги за рубежом, избрание почетным членом иностранной академии или почетным доктором очередного иностранного университета. Если я не ошибаюсь, таких университетов было около 15.

Последняя глава Автобиографии А.Р. называется "Романтическая наука". В ней А.Р., вслед за Максом Ферверном, разделяет ученых по их отношению к науке на классиков и романтиков. Сам же он счастливо сочетал в себе свойства тех и других. Лучше сказать иначе: именно потому что А.Р. был и оставался до конца жизни романтиком, он стал классиком. Расчленяя, анализируя, анатомируя ("руками" травмы или нейрохирурга) реальность, как это и полагается классику, он никогда не утрачивал перспективы и свойств живого целого. Весьма показателен в этом отношении его посмертно опубликованный антиредукционистский манифест: "О месте психологии в ряду социальных и биологических наук" (Вопр. философии, 1977, № 9). Даже изучая отдельную психическую функцию, - память мнемониста - он выводил из нее другие черты личности. Его романтизм, понимаемый в общечеловеческом (а не применительно к ученым) смысле был невероятно деятельным и действенным. То, что в его планах иногда казалось друзьям, коллегам и ученикам фантастическим, какими-то девичьими грезами, оказывалось вполне реализуемым.

Вернемся к школе. Я вовсе не хочу идеализировать это сообщество, хотя оно стало и моим, так как они меня в него приняли. В нем появлялись и центробежные силы, проскальзывала взаимная ирония, бывали научные претензии, иногда достаточно суровая критика, даже некоторая зависть (но никогда не корысть). Например, А.Н. Леонтьев упрекал А.Р. в легкомысленном отношении к теории, а А.Р. - Леонтьева - в суперсерьезном отношении к философским (читай: марксистским) аспектам психологии. А.Р. с трудом выносил философское идеологическое суесловие, без которого однако нельзя было обойтись. Однажды во время доклада А.Н. Леонтьева он прошептал мне: "Ты посмотри на него. Когда я устану, у меня язык не шевелится, а у него, чем больше он устанет, тем больше балаболит, не может остановиться". В какой-то момент, почувствовав ревность А.Н. Леонтьева, А.Р. перестал говорить ему об очередных знаках своего признания за рубежом. При всех своих раз личиях, взаимных претензиях, которые в конце жизни они почти не скрывали, они не могли и дня прожить друг без друга. Их разлучила только смерть.

Словом, это было живое сообщество, членам которого ничто человеческое было не чуждо. Помимо общей судьбы, их объединяли годы ученичества, сотрудничества с Л.С. Выготским и беззаветная любовь к психологии. А.В. Запорожец, перефразируя слова Аристотеля о метафизике, говорил, что много есть наук полезней, но лучше нет ни одной. Так что центростремительные силы всегда побеждали центробежные. Чтобы не дай Бог не сложилось впечатление, что это была некая секта, ложа, "орден меченосцев" и т.п., следует подчеркнуть широту их взглядов, терпимость к другим на

правлениям и научным школам, тесные отношения и дружбу с другими психологами. А.Р. был более чем дружен с А.А. Смирновым, Б.М. Тепловым, Н.И. Жинкиным, А.Н. Соколовым, В.С. Мерлиным и многими другими.

Разумеется, свой, как сказали бы социальные психологи, референтный круг был у каждого представителя этой замечательной школы, державшейся на разнообразии, на уникальности каждого ее участника и на чувстве юмора, без которого выжить и сохранить ся в советское время было невозможно.

До сих пор я говорил об А.Р. как бы вокруг да около психологии. Но все это "вокруг" было возможно только потому, что он был психолог Милостию Божией. Его интерес к науке, к ее проблемам счастливо сочетался с негаснущим интересом и любовью к людям, что в нашей психологической среде случается не так уж часто. Это было больше, чем научное любопытство, это была человеческая и человечная любознательность, постоянное стремление понять причины страдания и найти пути для его облегчения. Стойкость его интереса к отдельному человеку поразительна. Она не имеет аналогов в мировой психологической литературе. Я имею в виду многие десятилетия его наблюдений над великим мнемонистом Ш. и над пациентом З. И испытуемый и пациент - герои его маленьких книжек стали его друзьями. Уверен, не только они ...

Напомню призыв А.Р. к психологам, сделанный им в "Маленькой книжке о большой памяти". Он приглашал психологов следовать его примеру и детально описывать случаи исключительного развития отдельных психических способностей, так как подобные случаи помогут лучше понять целое. Правда, мне кажется, что этому призыву последовал лишь писатель В.В. Набоков, который едва ли знал о нем. Романы "Защита Лужина" и "Камера обскура" напоминают маленькие книжечки А.Р. Если сравнивать не художественные достоинства произведений Лурии и Набокова, а отношение авторов к своим героям, то, по моему мнению, выигрывает А.Р. Набоков коллекционирующий причуды человеческой психики от носится к своим героям как ученый-энтомолог, разглядывающий редкие виды наколотых бабочек, а Лурия - как писатель, сопереживающий своим героям.

Вся жизнь А.Р. была отдана науке. Я даже не буду пытаться характеризовать его научное наследие, столь велико оно и многообразно. К тому же еще далеко не освоено и даже не все опубликовано по-русски, например, его книга "The Nature of Human Conflicts" (1932). При таких грандиозных масштабах научной, педагогической, клинической, организационной (никогда не публичной), коммуникативной (ни одно письмо не осталось без ответа) деятельности, казалось бы, ни на что другое просто не может быть времени. Но А.Р. было тесно в науке. Он постоянно вырывался из нее в культуру. Это не точно. Он просто жил в культуре, поэтому и психология его была культурно-исторической. А нейропсихология - это уже частность в замечательном культурном контексте. Правда, эта "частность" обеспечила ему мировую известность. Его интересовала мировая живопись (его библиотеке по живописи мог позавидовать самый взыскательный искусствовед), русские деревянные церкви (он сам сделал превосходную слайдотеку деревянного зодчества на русском Севере), киноискусство (отсюда его контакты с С.М. Эйзенштейном). Помню, что по его заказу я привез из Японии теле объектив каких-то невообразимых размеров для его фотоупражнений.

Нужно сказать, что культура отвечала А.Р. взаимностью. Я не давно узнал, что многое в лингвистических построениях Р. Якобсона основано на исследованиях А.Р. Он об этом несомненно знал, но никогда не афишировал. То же можно сказать о теории построения движений Н.А. Бернштейна, реконструированной из осколков патологии. Многие осколки - результат исследований А.Р. О психологической теории деятельности и говорить нечего. А.Р. - такой же ее создатель, как А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, П.И. Зинченко, Д.Б. Эльконин и др.

Недавно признание А.Р. пришло совсем с неожиданной стороны. Питер Брук

получил грант на экранизацию "Маленькой книжки о большой памяти". Выдающийся режиссер дважды был в Москве, в Петербурге, встречался с людьми, которые знали А.Р. и мнемониста Ш Конечно, он встречался со многими западными коллегами и друзьями А.Р. В итоге многих встреч Питер Брук сказал мне, что он почувствовал А.Р. своим братом. Это впечатление Мастера, полученное "из вторых рук", говорит о многом и дорогого стоит. Между ними действительно есть нечто общее. Это лучащаяся из глаз доброта и непосредственно воспринимаемая, не требующая никаких до казательств талантливость. Трудно будет Бруку подыскать актера на роль А.Р. С тем большим нетерпением ожидаем воплощения этого замечагельного культурного и художественного (а не научного) за мысла.

К счастью, А.Р. еще живет в памяти многих поколений его учеников, когда-то молодых его друзей и коллег. Надеюсь я выражу общее мнение. Чем дольше его нет, тем величественнее становится его фигура. Это какая-то обратная временная перспектива. И тем больше нам его не достает.